

«НЕДЕЛЯ» № 9 (1405). 1987 г.

15 марта Валентину Распутину исполнится 50 лет. Сегодня мы публикуем рассказ журналистки Татьяны Земсковой о встрече и беседах с писателем в Иркутске, где он живет.

В Иркутск наша телевизионная группа приехала, чтобы снять сюжет об Александре Вампилове, драматурге, с которым дружил Распутин и о котором согласился сказать несколько слов для телевидения. О себе он уже рассказывал после, поддавшись нашим уговорам и просьбам. Первое, что мы увидели и сняли в Иркутске, — было кладбище, где похоронен Александр Вампилов, обычное тихое кладбище на окраине города.

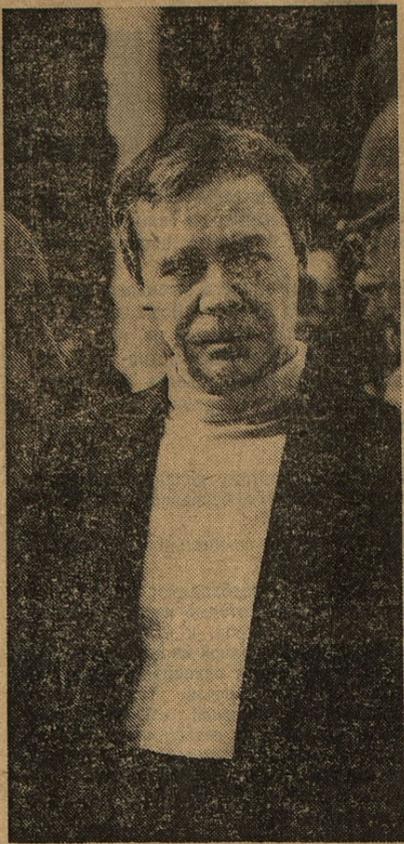
«Я окончил университет в 1959 году, Вампилов в 60-м, — неуверенно начинает свой рассказ Распутин. — И еще до окончания университета и я, и он работали в редакции газеты «Советская молодежь». Он ведь сначала писал рассказы, и первая его книжка «Стечение обстоятельств» вышла под псевдонимом. Он как бы не доверял еще себе, интуитивно считая это не главным делом... А пьесы, уже самые первые, подписывал своим именем...»

На могиле Вампилова установлен неровной формы камень, привезенный с Байкала. Распутин несколько мгновений молчит, потом кладет у подножия камня полевые цветы, которые нарвал по дороге.

— А все-таки, как погиб Вампилов, случайно?

— Это было накануне его 35-летия, — говорит Распутин. — Вампилов с товарищем поплыли на рыбалку. Вышли на Байкал: а там вал... повернули обратно. И тут лодка наткнулась на топляк и перевернулась. Осталось доплыть два метра до берега, совсем ничего! Товарищ, с которым он плыл, держался за лодку, а Вампилов хорошо плавал, погреб к берегу. Ему показалось, что он уже встал на твердое дно, и он, видимо, сделал последний рывок пе-

изогнутые, причудливые, вода как будто сливается с небом, и тишина необычайная, слышно, как шумит камера в руках оператора. Если смотреть вдаль, видны очертания деревеньки, притулившейся к берегу, из-за тумана очертания неясные, смутные... Кажется, что деревня сто-

зачем тогда мы бьемся, как рыба об лед? Вот в это надо верить, и думаю, что вера моя не напрасна.

— Ваша повесть «Пожар» — как бы продолжение «Прощания с Матерой»... А что-то еще есть у вас в замыслах? Собираетесь ли вы продолжать эту тему?

— «Пожар», условно говоря, — это то, что стало с этим новым поселком, когда обрублены все корни, когда ничего не осталось от той земли, на которой жили, когда полностью переселились на новую землю, поставили новые жилища, завели новые порядки... Как это отразилось на человеческой жизни, на нравах наших, на отношении к земле? Земля — ведь она в сущности единая, это тоже наша земля, на которую перебрались. Но вот, судя по отношению к ней, мы как-то все меньше и меньше считаем ее своей, все меньше ценим. Вот это мне как раз и хотелось показать: насколько все-таки влияет на нас своя история, своя старина, как она сказывается на нашем настоящем и как она скажется на будущем...

Я спросила о публицистическом звучании повести «Пожар»: действительно ли это новый поворот в работе писателя или просто примета времени?

— Для меня всегда очень важно эмоциональное воздействие на читателя, — сказал Распутин. — Не только воздействие событиями, судьбами, словом, но и тем, как выстроено это слово, как оно действует на читателя эмоционально, будем говорить — электрически. Может быть, это сказано грубовато, но нужно такое воздействие, даже удар. И для этого больше всего подходил тот язык, казалось мне, который я избрал. Он не сразу пришел ко мне, я над этой вещью посидел достаточно, особенно вначале, чтобы найти именно тот звук, тот слог, тот стиль, который бы больше всего подходил для этих событий. И в конце концов решил, что более подходящим будет как раз именно такой публицистический разговор. Разумеется, здесь есть даже некоторая перегруженность публицистикой, излишняя прямота, кото-

Природа воздействует на нас больше, чем мы подозреваем. Человек чище становится, когда он живет в нетронутой природе. А когда природа нарушена, да еще нарушена самым трагическим образом, это вливает в первую очередь на человека, так я думаю. Да чего же тут думать, так оно, разумеется, и есть. И вот возьмем человека на берегу Байкала... Он жил в одном духовном и нравственном состоянии, и вот рядом с ним поселился Байкальский целлюлозный комбинат. И это прежнее состояние потихоньку не то чтобы истаявает в нем, оно переходит в какое-то уже другое качество, потому что комбинат-то не приносит пользу ни Байкалу, ни в том числе и экономике, ведь это убыточный комбинат, он экономически не выгоден во всех отношениях. Он приносит огромные убытки нашему государству, не говоря уже о других потерях. Ну как человеку быть гражданином, если он работает на этом комбинате? А там много и местных жителей... Происходит раздвоение человека, то, что мы называем нецелостностью человека. И чья тут будет победа: или настоящего гражданина, или просто работника какого поало, просто потребителя, проживающего свою жизнь на этой земле? Сейчас очень важно, чтобы литература давала верную направленность человеку, чтобы она звала его к тому гражданскому состоянию, которое и должно быть заложено в понятии «гражданин».

— Последняя ваша книга называется «Век живи — век люби». Почему вы выбрали такое название?

— Знаете, есть поговорка «век живи — век учись». И это очень важно — не уставать и не переставать учиться. Но сейчас важнее другое. Сейчас мы все грамотные, ученые и, пожалуй, в какой-то степени переученные. А вот любви нам не хватает сейчас в жизни. Освоив образование, приняв его, изучив все, что можно и что нельзя, все объяснив, мы все-таки не можем улучшить самих себя и не умеем использовать свои огромные моральные возможности. Век живи — век учись — хорошо,

Валентин РАСПУТИН:

«Я ЦЕНЮ ПОРЯДОЧНОСТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ»

ред тем, как уйти под воду... Сердце не выдержало. Как сказать, случайно или не случайно? — поправляет себя Распутин. — В каждой случайности есть закономерность.

Потом мы поехали в старый Иркутск. Снимали деревянные домики, одетые тонким прозрачным кружевом — зеленым, белым, голубым. Ни один домик здесь не похож на другой, каждый имеет свое лицо и образ, в каждом видна рука мастера-умельца. Узенькая земляная улочка в зарослях травы словно летит вверх. Жители спускаются по деревянной певичей лестнице с изогнутыми перилами.

— Это уголок старого Иркутска, — рассказывает Распутин, — к счастью, еще не тронутый, а трогать его, разумеется, надо. Тут надо приводить в порядок деревянные дома, ворота, но не нужно всё покрывать бетоном. Пусть дерево здесь сохраняется, пусть, мне кажется, растет здесь крапива, не надо пугаться крапивы. Пусть ребяташки в эту крапиву падают, пусть плачут, но знают, что такое крапива. Ведь не во всех городах она осталась. Должна сохраняться связь с землей, с тем, что растет на этой земле...

Центр Иркутска торжествен и наряден. Современные здания, площади, скверы соседствуют с каменными постройками прошлых веков, каждая из которых — память об истории и культуре Сибири. Остававшаяся у памятника первопроходцам Сибири.

— Город недавно отметил свое 300-летие. Благоустройством города занимались всерьез, — продолжает Распутин. — Он стал чище, конечно, и много сделано хорошего, но много положено и бетона в парках, где его и не должно быть.

Перед нами — здание Иркутского университета.

— Это первый город, в который я приехал в 17 лет... Поступить в университет, — вспоминает писатель.

— И вы сразу поступили? — спрашиваю я.

— А чего же в то время было не поступить? Я Пушкина от Маяковского отличал, этого было достаточно, — шутит Распутин. — Конкурс был небольшой.

Рядом уютное здание университетской библиотеки.

— Тогда было принято ходить в библиотеку. Денно и ночью просиживали в библиотеке, с лекцией сбегали... Основное общение было там: знакомились, влюблялись, записки пересылали. Это было место для встреч, и разговоры велись неплохие, умные разговоры. Мы действительно жили как бы одной семьей.

Распутин рассказывал, что детство его прошло в деревне Аталанка, название деревни осталось, но теперь это уже поселок из нескольких деревень. Там и сейчас живет его мать, зимой ее перевозят в город. Сам он выходит из крестьян, никто из предков литературой не занимался.

На следующий день наши съемки проходили на берегу Ангары, по дороге на озеро Байкал. Место удивительно красиво! На зеленом берегу — сосны, чуть

ит наполнину в воде и похожа на Матеру из повести Распутин. Я спросила:

— Матера. Действительно была такая деревня или это обобщенный образ?

— Собирательный все-таки... Хотя у нас на Ангаре не одна деревня была на острове, и название такое есть — Матера. Вообще среди русских названий, самых пространственных, кондовых, коренных, название Матера существует по всем просторам России, есть оно и у нас в Сибири, и на Ангаре было. Конечно, я его со смыслом взял: ведь должно же название что-то обозначать, фамилия должна что-то обозначать. Не просто случайной должна быть фамилия, а тем более название старой деревни, старой земли, то есть того коренного, что присуще этой деревне и этой земле и что теряется теперь. Повесть «Прощание с Матерой» писалась по материалам Усть-Илимского переселения, там уже ничего не переносилось: если даже прекрасный дом стоял, прочный, который мог служить не один десяток лет, все равно — сжигался. Все это происходило на моих глазах: я как раз проехал по этим местам накануне затопления. Действительно, трагическое зрелище, когда идешь вечером... А приходилось идти и ночами по старым дорогам: по Ангаре, по Илим... Илим — река, которая впадает в Ангару, там были прекрасные плодородные земли. Илимская пашня о многом говорила, она обозначала богатую землю, богатую жизнь, кормила не только Иркутскую область, а и Якутию тоже кормила, там собирали очень высокие урожаи, и крестьянин там жил хорошо. И вот идешь по Илим и видишь, как эти крепкие деревни горят в темноте. Это, конечно, зрелище, которое останется в памяти навсегда. И картины эти, и трагедия расставания с прежним укладом жизни, насколько смог, я и попытался передать в повести «Прощание с Матерой».

— А вы верите, что Матера всплывет когда-нибудь?

Распутин задумался:

— На Усть-Илиме перед плотиной были маленькие острова, несколько затопленных островов, с них лес не был убран, и они потом вместе с лесом всплывали. Их приходилось бомбить, чтобы они не мешали плотине... Как сказать? Всплывет или не всплывет моя Матера? Я верю в то, что возродится Матера, не всплывет, а возродится в другом, может быть, качестве, в другом виде. Я больше верю в какую-то духовную и нравственную Матеру, которая обязательно будет... Иначе зачем все наши старания,

рою, возможно, в художественном произведении и не должно быть. Но я не стал от этого отказываться, этого требует сейчас время.

— Читатели спорят о главном герое «Пожара». Ведь он шофер леспромхоза, простой человек, как принято говорить, но все его рассуждения о жизни очень сложные и философичны порой... Не слишком ли усложненно мыслит ваш герой, Иван Петрович?

— Вы знаете, не в первый и не в последний раз, думаю, меня упрекают в излишней усложненности моего простого героя. Ну, а почему мы считаем, что простой герой — это примитивный герой? Мол, он должен только хорошо работать, и вся его сложность должна заключаться только в работе, которую он выполняет? А духовно, душевно — совершенная определенность, простота и однозначность? Да нет, разумеется, нет! Помню, что такие же упреки высказывались, когда я написал «Последний срок» со старухой Анной и «Прощание с Матерой» со старухой Дарьей. Говорили, что Дарья излишне уж философична, что ли, излишне усложнена и правильна. Да мы просто не знаем этих старух, мы не знаем этих простых людей, которые кажутся нам примитивными! Они отнюдь не примитивны. Они так рассуждают, так говорят, что залюбуешься! Ну, а потом, в конце концов, если даже герой и прост, как нам кажется, почему бы свои заботы, свои мысли не передавать ему? Почему его надо брать в том физическом и нравственном состоянии, в котором он существует? Для чего же тогда литература? Правда литературы — это не обязательно правда жизни в том состоянии, в котором мы берем, как бы изымаем ее из обиходного течения событий.

— Какие надежды возлагаете вы на литературу сегодня? Как может она помочь человеку стать богаче, духовнее, нравственнее? — был следующий вопрос.

— Литература, мне кажется, может очень многое, — ответил Распутин убежденно, — если бы еще литература помогала. Я имею в виду и пропаганду, и экономику, потому что в жизни все взаимосвязано. Нравственность, она прежде всего связана с экономикой, духовность также связана с экономикой. И те приобретения, в которых участвует литература, они порой губятся дурной хозяйственной деятельностью.

Вот возьмем, к примеру, человека на берегу Байкала. Уже то, что он живет на берегу Байкала, как бы подразумевает в нем человека чистого и нравственного.

но еще лучше — век живи — век люби... Вечером мы зашли в домик Распутина, что стоит недалеко от озера, на берегу Ангары.

Я спросила, работает ли писатель по вечерам?

— Нет, пожалуй. По вечерам я люблю читать, я уже в том возрасте, когда для чтения нужно тоже готовить время, тем более когда читаешь Достоевского, или Толстого, или Николая Федоровича Федорова. Надо, чтобы это было свободное, заповедное почти время, так что вечера я отдаю чтению.

— Какие качества вы цените в людях? — Я ценю порядочность в человеке, то место, где должна быть у человека совесть. А часто совесть куда-то девается, и чем заполняется это место, и понять нельзя.

— Много ли вам пишут читатели и отвечают ли вы на их письма?

— Пишут много, и на все письма отвечать, конечно, невозможно. Но есть письма, на которые нельзя не отвечать, потому что это очень искренние, открытые письма. И приятно, что в последнее время приходит много писем по проблемам, которые заботят не только меня, но только нашу литературу, но и вообще наше общество. Это проблемы экологические, проблемы, связанные с тем, что мы называем качеством человека. Все мы говорим о совершенствовании человека, а как стать лучше? То есть где найти те силы и где взять те недостающие свойства, с помощью которых человек должен стать лучше? Письма бывают очень интересные. Кроме того, бывают письма, я бы сказала, государственного порядка, государственного ума. Неплохо было бы издавать когда-нибудь книгу из писем читателей к писателям. Уверен, что она пользовалась бы успехом.

В конце беседы я спросила, как проводит Распутин свое свободное время?

— Я люблю в это время ничего не делать, — ответил писатель. — Люблю подниматься и уйти куда-то. Никаких хобби у меня нет. Я никогда не страдаю от одиночества... Где бы я ни был: в тайге, еще где-то, — мне не нужен ни транзистор, ни телевизор, иногда даже книга не нужна. — И собеседник не нужен?

— И собеседник не нужен совершенно. Я считаю, что человек должен уметь разговаривать и беседовать с собой, потому что самая главная беседа, самая открывающая, самый полезный разговор происходит наедине с собой.

— Вы верите, что вы большой писатель? — спросила я мимоходом, в перерыве между съемками.

— Нет... улынулся Распутин. — Думаю, что я честный писатель. А это уже много и трудно — быть честным.

Татьяна ЗЕМСКОВА.
Фото К. Кокошкина.

238